

сделает круглым, как стебель травы, — и готов *акын*. И если уже зацепит Антымавле моржа или лахтака, то хоть как тяни — не лопнет» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек); «Он размотал *кожаную бечеву* — *акын* с деревянной грушей, утыканной острыми металлическими крючьями, и выловил добычу из воды» (Ю. Рытхэу. Белые снега). В приведенных контекстах слово *акын* оказывается сопоставленным с существительными *ремень* и *бечева*. У третьего писателя в сходной ситуации (эпизод охоты) национальное слово вообще отсутствует — оно замещается русским *ремень*; ср.: «Рультын быстро размотал в воздухе колотушку выброски и швырнул в море. Сверкнув острыми крючками, колотушка упала чуть дальше желтого брюха нерпы (...) Ловко перебирая руками, охотник вытравливал мокрый *ремень* выброски, подтаскивая убитого зверя к льдине» (Н. Шундик. Быстроногий олень).

Подавляющее большинство случаев двуязычного параллелизма показывают, что в отношении семантической координации, как правило, вступают имена существительные. Однако представление об особенностях национальной речи дает не только данный грамматический класс, но и специфические слова и выражения, русские эквиваленты которых включаются в реплики персонажей в функции спонтанного перевода. Например: «— Зачем так много? — спросил Антымавле, окидывая взглядом груды товаров. — Первый раз *кит-кит* — чуть-чуть надо» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). Своеобразная форма семантизации отмечается между репликой персонажа, содержащей национальное слово типа междометия, и конструкцией, вводящей эту реплику. Так, чукотское слово *какомэй*, служащее выражением удивления, поясняется через посредство соответствующего глагола или наречия, ср.: «— *Какомэй*, сколько гостей! — удивленно воскликнул он (Ю. Рытхэу. След россомахи); «— *Какомэй!* — удивленно воскликнул чукча. — Да ты по-нашему говоришь?» (Ю. Рытхэу. Конец вечной мерзлоты).

В использовании национальной лексики языков народов Севера в русских оригинальных и переводных текстах наблюдается то же явление, которое отмечается и в отношении лексических единиц тюркских языков, — это широкая графемно-фонетическая вариантность слов разных тематических групп, главным образом тех, которые обозначают реалии быта и промысла. При констатации данного факта важно учитывать, что языковая панорама северного региона представляет собой более пеструю картину, чем, например, региона Средней Азии, где распространены тюркские языки, носителями которых являются также некоторые народы Северного Кавказа, Зауралья, Сибири. Языки народов Севера принадлежат к разным группам: например, чукотский и корякский — к чукотско-камчатской группе, эскимосский — к эскимосско-алеутской, нивхский относится к изолированным языкам. Однако в лексике чукчей, эскимосов и в меньшей степени нивхов есть некоторые общие единицы, что объясняется историческими контактами этих народов, сходством их традиционных промыслов. Приведем примеры графемно-фонетических вариантов слов в художественных произведениях, рассказывающих о жизни чукчей и эскимосов: «К берегу уже тянулись охотники. Несли оружие, подвесные моторы, еще не надутые *пых-пыхи*» (Ю. Рытхэу. Полярный круг; в сноске: „Пых-пых воздушный пузырь из тюленьей кожи“); «Но все охотники выстрелили, тут же первый метнул гарпун, следом потянулся длинный ремень с тремя привязанными к нему *пых-пыхами*» (А. Мифтахутдинов. Наблюдатель); «Схватил Рэнто два надутых *пыгыга*, связал их ремнем» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек); «Вместо посоха он вооружился *тивичгином* — палкой для выбивания снега из одежды» (Ю. Рытхэу. Айвангу); «Поднялся на крыльцо, потоптался, отряхиваясь от снега, выбивая снег *тивичгином* с обуви, брюк, камлейки» (А. Мифтахутдинов. Наблюдатель). Вариантность отмечается в словах, относящихся к чукотской и корякской лексике: «На девушке был широкий пятнистый *кэркэр* с богатой опушкой